

ПРЕДИСЛОВИЕ. МОЯ МЕТОДОЛОГИЯ

В этой книге, где было возможно, я заменила термин «домашнее насилие» на «абьюз»¹. Я посчитала, что это необходимо, потому что в ряде чудовищных случаев давление присутствовало, а физическое насилие — нет. Или оно было практически незаметно. Как пишет правозащитница Ясмин Хан, глава организации *Eidfest Community Services*, в статье для портала *Women's Agenda*: «Многие женщины, которым мы помогаем, уверяли меня, что не сталкивались с домашним насилием. «Он никогда не поднимал на меня руку», — говорили они. Но, поразмыслив и пройдя более глубокий опрос, они осознали, что жили под давлением много лет. Возможно, внешне оно могло показаться относительно мягким, но так или иначе наносило им весьма значительный ущерб». Главная задача Хан сейчас — заменить юридическое понятие «домашнее насилие» на «домашний абьюз». По такому принципу уже действует полиция в Великобритании. «Давайте изменим терминологию, — пишет она, — и перестанем делать вид... что в данном случае речь идет только о серьезных правонарушениях, в которых использовалось физическое воздействие». Когда я прочитала статью Ясмин, то остановилась и задумалась. И тут же ясно осознала: нам нужны эти изменения. Мы еще раз отредактировали почти готовую книгу, чтобы поправить термины там, где это уместно. Даже подзаголовок поменяли. Мой чудесный редактор Кирсти Иннес-Уилл уверила меня, что потрудиться стоило. Книга выиграла от такой корректуры.

Во взаимодействии журналиста с его источниками обычно работает односторонний диктат: как правило, пишущий выбирает, что именно и в каком виде будет опубликовано. Но я решила, что в данном случае сделаю ровно наоборот: оставлю окончательное слово за теми пострадавшими, которых привлекла для написания этой книги. Если процесс работы над ней не даст им позитивного опыта, то к чему тогда все это? Каждого, кто беседовал со мной, я уверяла, что это именно *его история*², а не моя. А значит, когда только возможно, я давала всем им право пересмотреть расска-

¹ Для удобства русскоязычного читателя в этой книге универсальные термины «домашнее насилие» и «абьюз» иногда переводятся с помощью ряда синонимов, наиболее соответствующих тому или иному контексту. Это может быть злоупотребление властью, давление (в том числе психологическое), притеснение, агрессия, тирания, диктат, манипуляция и т. п. (*Прим. ред.*)

² Здесь и далее в тексте курсив автора. (*Прим. ред.*)

занное, изменить или удалить какие-то факты — особенно если они связаны с их безопасностью. Работа временами была очень трудоемкой, но оно того стоило. Для меня было большой честью пообщаться со всеми моим героинями.

Кое-где при необходимости я опускала факты, связанные с происхождением и национальностью некоторых из них. Я делала это либо для того, чтобы защитить жертв, либо чтобы затруднить идентификацию участников тех или иных судебных разбирательств (согласно пункту 121 Семейного кодекса¹ запрещено публиковать любую информацию, которая могла бы служить для установления личных данных сторон судебного процесса). Истории в главе, посвященной семейному праву, записаны со слов пострадавших, взрослых и детей. Да, я не выслушала другую сторону, посчитав небезопасным обращаться за разъяснениями к предполагаемым абьюзерам. Однако внимательно изучила записи их показаний и постаралась быть максимально объективной.

Некоторые из высказываемых мною идей могут показаться спорными, и в каждом конкретном случае я прямо это оговариваю. Несмотря на то что нам удалось привлечь лучшие умы для рецензирования и редактирования собранного материала, вся ответственность за ошибки и неточности целиком и полностью лежит на мне. Если вы заметите их, пожалуйста, обратитесь в издательство Black Inc., и мы сделаем все возможное, чтобы внести исправления при переиздании.

¹ Family Law Act — закон, регулирующий семейные отношения в Австралии. (Прим. ред.)

ВВЕДЕНИЕ

Телефоны в офисе Safe Steps, работающей круглосуточно семь дней в неделю горячей линии для пострадавших от насилия в штате Виктория, вдруг замолчали. «Когда они перестают звонить, я нервничаю, — говорит оператор. — Такое бывает редко. Иногда случаются «обострения», когда звонки раздаются каждые три минуты. Некоторые женщины набирают этот номер уже не в первый раз: по статистике, они обычно возвращаются к партнеру-абьюзеру в среднем семь раз перед тем, как бросить его окончательно». «Наверное, вам досадно видеть, что женщина была готова уйти, а потом вернулась?» — предположила я. «Нет, — уверенно отвечает психолог-консультант — Я злюсь, потому что ее партнер обещал прекратить насилие, но все повторяется снова и снова».

* * *

Через год после того, как я взялась писать о домашнем насилии, меня посетило ужасное открытие. Дело было в 2015 году. Чудесной летней ночью я развешивала в палисаднике только что постиранное белье. Вокруг повизгивали маленькие летучие мыши, питающиеся фруктами. Прохладный ветерок приятно освежал кожу. На душе у меня было спокойно. Ощущение уверенности и чувство безопасности не покидали меня. Я пошла обратно к дому, держа в руках бельевую корзину, и уже было поднялась по ступенькам заднего крыльца, как вдруг мое сознание пронзила мысль, поразившая меня с такой силой, что у меня даже навернулись слезы на глаза. Мне очень повезло: я могу чувствовать себя в безопасности в темноте — пусть даже и у себя на заднем дворе! А сколько женщин не находят покоя в собственном доме? Сколько женщин, поднимаясь на крыльцо, вздрагивают от страха? Сколько женщин с ужасом думают о том, что произойдет с ними этой ночью в постели? Представляю, как у какой-нибудь бедняжки начинает биться сердце при всяком шорохе листвы, стоит ей только представить себе, что где-то во мраке ночи ее поджидает мужчина с недобрыми намерениями. Тот самый мужчина, которого она когда-то любила.

Мы много говорим об опасности прогулок по темным закоулкам, но на деле в каждой стране мира есть немало женщин¹, для которых самым непредсказуемым и опасным местом стал

¹ Джесс Хилл и ключевые эксперты, консультировавшие ее при создании книги, последовательно выступают за равенство полов и призывают общество бороться с гендерными стереотипами. Связанные с этими стереотипами обороты «сильный/слабый пол» и «прекрасный пол» в данном случае употребляются

их собственный дом. В 2017 году в мире было зарегистрировано 87 000 убийств женщин, из них более трети (30 000) погибли от рук сексуального партнера, а еще в 20 000 случаев убийцей оказалась тот или иной родственник¹. [1] В Австралии с населением почти 25 миллионов человек от насилия со стороны интимного партнера погибает одна женщина в неделю. [2] Эта статистика доказывает, что женщинам стоит бояться не какого-то монстра, скрывающегося под покровом ночи, а мужчин, в которых они некогда были влюблены. В это трудно поверить, но это факт.

* * *

Эта книга о любви, насилии и власти. Она посвящена феномену, проявляющемуся как вдали от посторонних глаз, так и на публике. Хотя преимущественно за ним стоят мужчины, не любящие пристального внимания. Я попытаюсь ответить на вопросы, обычно не задаваемые вслух, например: «Почему они так поступают?» Моя книга о том, что нужно пересмотреть привычные представления и стереотипы и прямо взглянуть на одну из самых сложных и актуальных проблем нашего времени.

Впервые в истории мы набрались смелости, чтобы дать отпор домашнему насилию. У нас на глазах происходят большие перемены. И впоследствии, думаю, 2014-й назовут годом, когда в западном мире наконец начали серьезный разговор о насилии мужчин по отношению к женщинам. Впрочем, ни в одной стране не поднималось такой волны протеста, как в Австралии: 12 февраля 2014 года все население ополчилось против этого зла.

В тот день австралийцы с удивлением наблюдали за одинокой обезумевшей от горя женщиной, стоявшей посреди улицы. Взгляд ее блуждал: она смотрела то в землю, то поднимала глаза к небу, то направляла взор куда-то поверх стайки репортеров, которые с нетерпением ждали, когда же она сделает заявление. Этой самой обыкновенной представительнице среднего класса предстояло рассказать о трагедии, разыгравшейся буквально накануне. Ее одиннадцатилетний сын погиб от рук своего отца. Одиннадцать лет мать заботилась о безопасности мальчика, но при этом пыталась сохранить в его сердце любовь к отцу. В конце концов, разве не так ей предписывало действовать общество? Надо было поглубже спрятать собственный страх, все время быть начеку, отслеживать малейшие намеки на опасность, а параллельно устраивать все так,

переводчиком вне идеологических коннотаций, лишь как стилистический прием, облегчающий восприятие текста. (Прим. ред.)

¹ Указатели в квадратных скобках отсылают к списку источников в конце книги, разделенному по главам. (Прим. ред.)

чтобы ребенок все же общался с отцом. «Никто не любил Люка больше, чем Грег, его папа. Никто не любил его больше, чем я», — настаивала Роза Бэтти даже после того, как Грег нанес несколько смертельных ударов ножом сыну. Ранее она и сама пережила насилие со стороны Грега, ушла от него и в течение нескольких лет предупреждала полицию, что ее бывший муж непредсказуем и может представлять угрозу для сына. Но в судах и полицейских участках недооценили ее заявления. Не хотели слушать, не верили. Иногда, правда, что-то предпринимали, но потом дело начинало буксовать, терялось среди бумаг. То же самое происходило ранее с другими бесчисленными жертвами абьюза. И вот предсказания Розы сбылись. Причем все произошло не за закрытыми дверями, как обычно бывает в таких ужасных случаях, а на городской площадке для игры в крикет, прямо на глазах у других детей и их родителей. «Если вообще можно делать из трагедии выводы, пусть все усвоят этот урок, — сказала Роза Бэтти журналистам. — Семейное насилие может пережить каждый. Оно может коснуться любого человека, независимо от того, насколько он интеллигентен и благополучен». В глазах рядовых австралийцев Бэтти и есть *«любой человек»* — она не принадлежит ни к ругаемому всеми малоимущему сословию, ни к привилегированному богатому. Она как бы из «демилитаризованной зоны» — белая женщина, средний класс.

Когда случилось несчастье, Роза не ушла в тень, чтобы там тихо лить слезы в одиночестве, а обратилась к обществу с призывом к действию. Ее выступление, подкрепленное впечатлением, которое произвела трагедия, пробило стену равнодушия и заставило людей обратить внимание на проблему. Мать погибшего мальчика сама оказалась невинной жертвой, она искренне горевала о своей потере и приглашала всех разделить эту боль. В день убийства Люка вся нация будто прозрела. Через сорок лет после того, как в Австралии открылся первый приют для женщин, мы наконец-то готовы поверить в домашнее насилие. Пострадавших от него, некогда изгнанных из уважаемого общества, теперь просят поделиться своими историями. Пришло время их выслушать. Мы просто *обязаны* попытаться их понять.

Не вполне ясно, почему после многочисленных трагедий, а также после длившихся десятилетиями заявлений об абьюзе одно конкретное убийство стало решающим фактором и изменило ситуацию. Гибель Люка Бэтти пришлось на особый период. По всему миру те, кто столкнулся с домогательствами и принуждением, стали рассказывать о себе, ничего не стыдясь и требуя, чтобы к их голосам прислушались. В апреле 2014 года Белый дом потребовал провести проверку в американских студенческих кампусах, где процветало сексуальное насилие, виновники которого слиш-

ком часто оставались безнаказанными. [3] «Все мы знаем, что во многих наших учебных заведениях небезопасно, — отметил вице-президент США Джо Байден, — в колледжах и университетах не должны более закрывать на это глаза». Месяцем позже, в мае, молодой американец по имени Эллиот Роджер опубликовал видеоролик с женоненавистническими высказываниями и после этого устроил стрельбу неподалеку от Калифорнийского университета, убив шестерых человек и ранив четырнадцать. От рук Роджера погибло больше мужчин, чем женщин. Вероятно, юноша страдал

Печально, но факт: угрозой для очень многих женщин становится не чужак-насильник, а близкий человек.

психическим заболеванием, но то, что при этом он был движим ненавистью к противоположному полу, не вызывало сомнения. У него изъяли дневник: Эллиот исписал сто

тридцать семь страниц и в этом леденящем душу манифесте ругал «шлюх», отказывающих ему в сексе, то есть в том, что ему положено «от природы». Досталось и мужчинам, которые отбирают у него право на сексуальную самореализацию. «Девушек не привлекают джентльмены. Им нужны альфа-самцы, — пишет Роджер. — Эй вы, суки, кто сейчас ваш альфа-самец?» Конечно, это взгляд на мир безумца-одиночки. Но его позиция находила поддержку на онлайн-форумах, в которых он нередко участвовал, а также в группах по защите мужских прав. Ее высказывали сетевые тролли, угрожавшие прекрасному полу изнасилованиями и избиениями.

То, что давно уже знакомая женщинам по всему миру ненависть вылилась в убийство, стало последней каплей. Стартовало движение с хэштегом #YesAllWomen, в котором участвовало более миллиона человек, рассказавших о том, как они живут в страхе, сталкиваясь с преследованием, угрозами и давлением. Позже в том же году Рей Райс, звезда американского футбола и Национальной футбольной лиги США, ударил в лифте в казино свою невесту Дженай Палмер. Этот эпизод вызвал еще одну мощную волну онлайн-признаний и рассказов о домашнем насилии с хэштегом #WhyIStayed. «Того, что принес нам 2014 год, я ждала всю свою жизнь, — говорит писательница из США Ребекка Солнит. — Он отрезвил женщин, как холодный душ, и активизировал феминистское движение. Мы отказываемся покоряться пандемии насилия — изнасилованиям, убийствам, избиениям, домогательствам на улицах, угрозам в сети». [4]

Австралийскую общественность вывело из ступора публично совершенное жестокое убийство мальчика. Тут же вскрылась шокирующая статистика. В штате Виктория, где жила семья Бэтти, только в 2013—2014 годах полиции пришлось реагировать на более чем 65 000 случаев семейного абьюза. (Эта цифра на 83% выше,

чем аналогичный показатель пятилетней давности.) [5] Звонки о подобных инцидентах поступают полицейским примерно каждые две минуты¹. [6] СМИ, поглощенные темой исламского терроризма, практически не освещали тот факт, что волна «домашних» преступлений растет и достигает гигантских размеров. А теперь общественность недоумевает: неужели все это правда? Отчего это происходит? Как насилие над женщинами могло получить такое широкое распространение?

* * *

Семейный абьюз — глубокая рана на теле нашего общества. С ним сталкивается каждая четвертая австралийка². Почти 60% пострадавших женщин нуждаются в госпитализации. [7] Каждая пятая женская попытка самоубийства связана с домашним насилием. [8] Сейчас растет количество аборигенок, представительниц коренного населения австралийского континента, попадающих в места заключения. 70—90% этих преступниц сами были жертвами домашнего насилия. [9]

Развершаяся бездна порождает нескончаемый поток женщин и детей, вынужденных бежать из дома: в 2015—2016 годах 105 619 человек — 94% из них женщины и дети — признались, что абьюз в семье стал причиной того, что им пришлось обратиться за помощью в приюты и кризисные центры. [10] У подобных домашних трагедий далеко идущие разрушительные последствия, но мы редко можем проследить всю их историю и добраться до первопричины. Заметен лишь катастрофический итог — растущее количество бездомных, увеличивающееся число женщин-заклученных. Все недоумевают: почему же дела так плохи? [11] Умом мы понимаем, что с домашним насилием может столкнуться любой, но многие из нас все еще не могут представить себе, чтобы нечто подобное произошло с кем-то из тех, с кем мы знакомы, даже если об этом свидетельствуют факты, появляющиеся прямо у нас под носом. С таким

¹ Полиция Австралии ежегодно сталкивается более чем с 264 000 случаев домашнего насилия — в пересчете получается одно обращение в две минуты. (Прим. автора.)

² Есть и другая часто приводимая статистика — одна из шести. Ее источник — опрос ABS Personal Safety Survey 2012 года. Однако Австралийская национальная исследовательская организация по безопасности женщин (Australia's National Research Organisation for Women's Safety, ANROWS) приводит доказательства того, что эти данные неполные, потому что учитывают только женщин, подвергшихся насилию со стороны мужа или сожителя. Цифры, приводимые ANROWS (каждая четвертая), включают насилие со стороны бойфренда (мужчины, с которым женщина не живет, а встречается). Это, по заявлению представителей организации, позволяет точнее отразить масштабы проблемы. (Прим. автора.)

явлением регулярно приходится сталкиваться Джулии Оберин, возглавляющей общенациональную организацию WESNET¹, которая читает лекции начинающим соцработникам в штате Виктория. Вот что она рассказала мне: «Вначале мои слушатели говорят, что не знают ни одной жертвы домашнего насилия. Но к третьей неделе случаются открытия. И они уже реагируют по-другому, например: «Я понимаю, что в детстве сталкивалась с абюзом в семье, но никто так это не называл». Одна женщина заявила, что позвонила сестре и сообщила, что муж проявляет по отношению к той насилие — он контролирует все, что делает жена, и следит за ней, куда бы она ни пошла. Этой женщине потребуется помощь. Разглядеть нам домашнее насилие мешает тот факт, что мы концентрируемся на отдельных эпизодах и не понимаем, что это явление глубоко укоренилось в обществе».

Подобная сосредоточенность на частных случаях заставляет нас считать, что насилию со стороны близких подвергаются женщины определенного типа: малоимущие, уязвимые и неуверенные в себе, психически неполноценные или те, у кого сформировался «менталитет жертвы». Есть категории, которые действительно очень часто встречаются среди пострадавших. Например, представительницы коренного населения Австралии, инвалиды, нелегальные иммигрантки, те, кто вырос в семье, где практиковалось насилие, очень молодые девушки, а также женщины, живущие в удаленных от цивилизации районах. В периферийных областях страны действительно больше случаев физического насилия, чем в городах. [12] Но когда полицейские и защитники жертв утверждают, что домашнее насилие может коснуться каждого, они не выдумывают. Существует множество авторитетных исследований абюза в семье, рассмотрены тысячи случаев, но ни одному ученому не удалось нарисовать строго определенный «портрет» жертвы. Авторы одного из исследований заключают: «Нет доказательств, что у женщины того или иного статуса, выполняющей ту или иную роль в семье, склонной к какому-то особому поведению, принадлежащую к какой-то демографической страте, больше шансов стать жертвой насилия в интимной сфере, чем у любой другой представительницы того же пола». [13] В руках изощренного абюзера даже самые самостоятельные и сознательные женщины могут меняться до неузнаваемости. Настолько, что они сами себе удивятся.

Благомыслы часто советуют не употреблять такие понятия, как «бытовой абюз» или «домашнее насилие», потому что подобная

¹ Women's Services Network (WESNET) — австралийская некоммерческая организация, помогающая женщинам и детям, пережившим насилие в семье. (Прим. ред.)

терминология несколько приукрашивает реальность. Вместо этого, по их мнению, нужно сблизить эти явления с уголовно наказуемыми деяниями, именуя их покушениями, нападениями или даже терроризмом. Но тогда исчезает суть. Домашнее насилие — это не просто насилие. Это нечто худшее — уникальный феномен, при котором обидчик жестоко обращается с партнером, злоупотребляя любовью и доверием, манипулируя интимными деталями — глубинными желаниями, страхами, постыдными секретами.

Мы часто называем абьюз в семье преступлением, но и это не совсем верно. Преступление — это вполне определенный проступок. Если вас ударили, вы можете вызвать полицию и заявить, что на вас напали. Бывает, что в семье случаются подобные инциденты, однако самый худший вид абьюза невозможно зафиксировать в протоколе. Полиция не станет записывать ужасные переживания жертвы, а судья не станет их рассматривать. И все потому, что домашнее насилие — это язык устрашающих намеков, который складывается постепенно и поня-

тен только людям, вовлеченным в определенные отношения. У того, кто стал объектом психологического давления, может перехватывать дыхание от косога взгляда, саркастической интонации или даже от гробового молчания. Все это сигналы, к которым человек привык прислушиваться. Так животные предчувствуют надвигающийся ураган. Эти знаки сообщают, что опасность близка, что она уже рядом, да и вообще повсюду. Для многих жертв физическое насилие — наименее болезненное из всего, что с ними происходит. Практически все, кто не подвергался физическому нападению, говорили: лучше бы обидчик ударил или меня, или совершил что-то, что сделало бы насилие более очевидным, так сказать, «реальным».

В конце концов, нет ничего преступного в требовании, чтобы девушка больше не виделась с родными. Нет ничего преступного в том, чтобы указывать ей, что надеть, как убираться в доме, что покупать в супермаркете. Закон не запрещает убеждать жену, что она никчемная и бестолковая, или в том, что она не имеет права на некоторое время оставить детей на мужа. Не запрещено постоянно делать из мухи слона, так что женщина потеряет чувство реальности и не сможет понять, что было, а чего не было. У нас не сажают в тюрьму за то, что ты настраиваешь против кого-то всю семью. Однако все это модели контролирующего поведения, красные флажки, предупреждающие о грядущем бытовом убийстве. Когда настоящее преступление совершится, будет уже слишком поздно.

В обществе бытует ложный стереотип, будто притеснениям в семье подвергаются лишь самые уязвимые — малообеспеченные, неуверенные в себе, психически нестабильные.

Последние несколько десятилетий эксперты подчеркивали, что подобные психологические травмы, повторяющиеся снова и снова, могут приводить к формированию своего рода «рабства сознания». Жертвы отчаянно пытаются понять, что же на самом деле происходит. Атмосфера постоянного давления складывается из относительного незначительных унижений и оскорблений. Они случаются так часто, что мы их не замечаем, как не замечаем собственного дыхания. Предположим, что удастся отыскать способ надлежащим образом квалифицировать подобное поведение агрессора как преступление. Но как пострадавшая сможет доказать, что все это время была не в состоянии просто взять и уйти от мучителя? Ведь для окружающих все выглядит так, будто никто ее не неволит. Друзья и родственники — особенно те, кто никогда лично не сталкивался с домашним насилием, — не могут понять, как такое возможно. Им невдомек, как умная и независимая женщина может жить с мужчиной, который обращается с ней, как с тряпкой. Кроме того, трудно объяснить, почему даже после побега женщина зачастую возвращается к абьюзеру, а иногда и умоляет принять ее обратно. Почему тот, кого все считают хорошим парнем, придя домой, приставляет нож к горлу жены? Если мы задумаемся о *его* действиях и присмотримся к ним так же внимательно, как мы рассматриваем ее поведение, то картина станет *еще менее* понятной. А ему-то зачем сохранять отношения с той, кого он так ненавидит? И зачем искать ее и убивать после того, как она сбежала?

Логика здесь нет. Дополнительно запутывает ситуацию еще и то, что виновники сплошь и рядом искренне считают *себя* жертвами. Мужчина часто выступает как заявитель в полиции, даже если рядом стоит его половина — в крови и синяках. То, что человек чувствует себя жертвой, служит для него оправданием абьюза. Он не насильник, как другие; он лишь защищался.

Такое двоемыслие позволяет абьюзеру утверждать — и самому верить, — что нехорошо применять насилие против женщины. За четыре месяца до того, как Стивен Пит был арестован по обвинению в убийстве Аделин Уилсон-Ригни и двух ее детей¹, — дочери Эмбер Роуз и сына Кори Ли Митчелла, — он опубликовал пост в Фейсбуке, где заявил: «В тот день, когда ты поднимешь руку на женщину, ты официально перестаешь считаться мужчиной». [14] Будущий убийца, видимо, говорил искренне.

Если мы хотим успешно противостоять домашнему насилию, нам придется найти объяснение этим противоречиям.

¹ Речь идет о тройном убийстве, совершенном Стивеном Питом, сожителем Аделины, в 2016 году в штате Южная Австралия. (Прим. ред.)

«Настоящие мужчины не бьют женщин». Очень часто мы слышим от политиков, общественных деятелей и руководителей бизнеса такие утверждения. Но они, опять же, упускают из виду причины возникновения домашнего насилия. Сильный пол злоупотребляет доверием своих подруг не потому, что общество поощряет подобное отношение, а потому, что оно навязывает мужчине представление, будто у него все должно быть под контролем.

Общественное мнение утверждает: если ты не будешь действовать уверенно и властно, то не преуспеешь ни в чем: не сможешь завоевать девушку, заработать деньги, окажешься уязвимым и проиграешь другим, более сильным мужчинам, которые воспользуются твоей слабостью и перехватят инициативу. По сути, выходит, что того, кто не заявит себя «настоящим мужиком», ждут нищета и одиночество. Те, кто усваивает эти установки, не обязательно становятся абьюзерами — некоторые добиваются успехов и живут благополучно, другие всю жизнь внутренне борются с навязанными постулатами. При этом внушительное, даже шокирующее количество людей кончают с собой, считая, что потерпели неудачу. А некоторая часть, патологически озабоченная собственным статусом, самоутверждается дома, считая, что такова их обязанность и даже право по рождению. Социолог Эван Старк полагал, что управлять контролем куда сложнее, чем просто удерживать мужчин от насилия. Так что одно дело провозглашать: «мужчины не бьют женщин», — и совсем другое — вести честную кампанию против опасной нормы, утверждающей, будто мужчина должен быть всегда на коне. Ведь сами лидеры мнений зачастую являются живым примером, воплощающим данный этический стандарт.

Муж злоупотребляет властью над женой не потому, что он по природе жесток. Просто общество внушает ему, что у него все должно быть под контролем.

* * *

В предшествующие эпохи никому не было дела до домашнего насилия. Сейчас всем есть до него дело. Власти тратят солидные деньги на просветительские кампании, преследуя амбициозные цели — перевернуть наши представления о насилии и неуважительном отношении к ближним, то есть те самые идеи, которые мы восприняли с детства. Быстрой прибыли эти инвестиции не дадут. Изменения произойдут лишь в следующем поколении, которое сформирует иной взгляд на мир.

События последнего времени разворачивались таким образом, что насилие и принуждение оказались в центре всеобщего внимания, чему в значительной степени способствовало движение